

Команда отчаянных

АНТОН ИВАНОВ

Загадка невидимого гостя

«АНТОН ИВАНОВ, АННА УСТИНОВА»

2002

Иванов А. Д.

Загадка невидимого гостя / А. Д. Иванов — «Антон Иванов, Анна Устинова», 2002 — (Команда отчаянных)

Некоторым просто везет на приключения! Иван и Марго обнаружили, что дверь соседей Марго Смирновых почему-то открыта. Ребята зашли внутрь, чтобы выяснить, в чем дело. И тут кто-то запер квартиру снаружи! Друзья выбрались через балкон, раздобыли ключи и снова обследовали таинственное место. Марго подумала, что залезть в квартиру мог бывший жилец соседей. И ребята установили за ним слежку...

© Иванов А. Д., 2002

© Антон Иванов, Анна Устинова, 2002

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Антон Иванов, Анна Устинова

Загадка невидимого гостя

* * *

Лифт, недовольно крикнув, остановился на девятом этаже. Двери раздвинулись. Иван и Марго вышли на лестничную площадку.

– Сейчас я тебе дам тетрадь, – нашаривая в сумке ключи, сказала девочка, – и сразу же иди к себе переписывать. Как справишься, вернешь. Иначе я выучить не успею.

– Естественно, сразу верну, – кивнул Иван. – Слушай, Марго, а там много?

– Тебе хватит. – Уголки губ у Марго чуть приподнялись, словно едва намечая улыбку. – Но переписать – это еще полдела. – И без того огромные ее черные глаза округлились, и она выдохнула: – Там такой бред...

– Да-а? – протянул Иван.

– А главное, Монстр клятвенно обещала завтра устроить всему нашему классу экспресс-тест по экологии, – внесла ясность девочка.

Марго наконец отыскала ключи.

– Слушай, – дернул ее за рукав Иван. – По-моему, твои соседи дверь запереть забыли.

Марго обернулась. Соседняя дверь и впрямь была приоткрыта.

– Странно, – прошептала она.

– Наверное, забыли, – повторил Иван. – Давай им крикнем.

– Подожди, – Марго коснулась его руки.

– Почему? – с изумлением посмотрел на нее Иван. – Надо же их предупредить.

– Да ведь соседей нет, – шепотом объяснила девочка. – Они в Австралии.

– Ты уверена? – спросил ее Иван.

– Абсолютно.

– Так может, кто из родственников заглянул? – предположил мальчик.

– Родственников? – Марго пожала плечами. – По-моему, у них в Москве никого не осталось.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, на все сто, конечно, не знаю, – призналась Марго.

– Вот видишь, – усмехнулся Иван. – Оставили твои соседи ключи каким-нибудь родственникам или знакомым, а те зачем-нибудь и наведались.

– Вообще-то они нам ключи оставили, – прошептала Марго. – И просили, если там вдруг трубу какую-нибудь прорвет или еще что-то в этом роде...

– Понятно, – кивнул Иван. – Но они могли еще вторые ключи оставить другим людям.

– Могли, – не стала спорить Марго. – Ладно. Давай позвоним.

Иван нажал на кнопку звонка соседней с Марго квартиры. За дверью раздалась мелодия романса «Отвори потихоньку калитку». Иван усмехнулся. Призыв в данном случае был излишним. Калитку, точнее, дверь, требовалось как раз не отворить, а затворить.

На мелодичный звонок, однако, никто не откликнулся. Иван вновь надавил на кнопку. Однако ни затворять, ни отворять калитку по-прежнему никто не собирался.

– Ты что-нибудь понимаешь? – Мальчик покосился на Марго.

– Пока нет. – Девочка пребывала в явном замешательстве.

Ребята прислушались. Сперва им показалось, будто в квартире что-то прошуршало. Затем воцарилась полная тишина.

– По-моему, никого там нет, – тихо произнесла Марго.

– А дверь тогда кто открыл? – Ивана охватили вполне понятные сомнения. – Тут, Марго, одно из двух. Либо тот, кто пришел, уже удалился, а дверь за собой не запер...

– Как-то не верится, – откликнулась девочка.

– Мне тоже, – кивнул Иван. – Если, конечно, сюда наведывался не полный псих.

– А если он пришел, а потом ему сделалось плохо? – с тревогой проговорила Марго. – И он теперь лежит там без сознания.

– Это и был мой второй вариант, – отозвался Иван. – В таком случае нужно вызвать «Скорую».

– Пока вызовем и они доедут, ему, может, вообще помощь не понадобится, – возразила девочка. – Пойдем.

Она потянула за ручку двери. Ребята вошли в переднюю и нерешительно потоптались на месте.

– Как ты думаешь, где он? – посмотрел Иван на Марго.

– Во-первых, это, может, совсем не он, а она, – ответила девочка. – А во-вторых, не знаю. Чтобы определить, надо войти в квартиру.

Однако сделать первый шаг никто из них не решался. Они еще раз прислушались. В квартире стояла гулкая тишина. Иван машинально взглянул на вешалку. Она была пуста. «Значит, – отметил про себя мальчик, – тот, кто сюда зашел, не собирался надолго задерживаться. Иначе обязательно снял бы пальто».

– Ну? – вывел его из задумчивости тихий голос Марго. – Пошли?

Иван медленно двинулся по длинному коридору. Дверь в первую комнату была настежь распахнута. Ребята туда заглянули. Круглый обеденный стол, стулья, кресла, диван, горка с посудой, телевизор и видик в углу.

Ребята вошли, огляделись. Ни души. В комнате стоял спертый воздух. Чувствовалось, что ее давно не проветривали. Иван подошел к телевизору и провел пальцем по экрану. На нем осталась отчетливая полоса. Из коридора донесся тихий шорох. Друзья замерли.

– Слышал? – шепнула Марго.

Иван кивнул.

Подкравшись на цыпочках к двери, друзья осторожно выглянули в коридор, но там никого не оказалось. Опять стояла гулкая тишина.

– Что это было? – не мог понять Иван.

– Может, дверь? – предположила Марго.

– Вряд ли, – возразил Иван. – Скорей, в другой комнате. Давай глянем.

Следующая по коридору дверь была закрыта. Иван нажал на ручку. Взорам ребят открылась спальня. Они не без внутреннего содрогания осмотрели ее. И напоследок даже заглянули под широченную двуспальную кровать. Однако там не обнаружилось ничего, кроме двух пар тапочек да пыльного чемодана. Круг поисков странного посетителя сужался. Теперь ребятам осталось обследовать последнюю комнату, кухню, ванную, туалет и кладовку.

Покинув спальню, они еще раз прислушались. Полная тишина. Но что же тогда шуршало? Один раз могло послышаться. Но второй... И вряд ли слуховые галлюцинации могли возникнуть у обоих сразу.

– Все-таки, что это был за звук? – никак не мог успокоиться Иван.

Марго, не отвечая, проследовала в третью комнату. Там, судя по всему, располагался кабинет хозяина квартиры. Значительную часть помещения занимал письменный стол. Вдоль стен тянулись забитые книгами старинные шкафы с застекленными дверцами. Перед книгами были расставлены разнообразные безделушки. Подойдя к одному из шкафов, Иван увидел китайский резной шар из слоновой кости.

– Смотри, – он повернулся к Марго, – как эти китайцы только такое делают? Сколько в нем, интересно, шариков?

– Тебе, Ваня, совсем делать нечего? – внимательно посмотрела на него девочка.

– Да нет, – смутился Иван. – Это я так. Попутно.

– Если попутно, пошли на кухню. – Марго двинулась прочь из кабинета.

Иван последовал за ней. Однако не успел он переступить порог кухни, как сверху послышалось свирепое шипение и ему прямо на голову свалилось какое-то живое существо. Острые когти вонзились в плечо. Взвыв от неожиданности, мальчик попытался освободиться, но тщетно. Существо вцепилось в него мертвой хваткой и хищно рычало.

– Замри! – воскликнула Марго.

Иван не внял совету. Извиваясь всем телом, он пытался избавиться от неведомого чудовища.

– Замри, тебе говорят! – повторила Марго. – Разве не видишь? Ты и так его до смерти напугал. Фаня, Фаня! Иди сюда, киска. Иди сюда, бедный.

Тот, кого она называла Фаней, наконец отпустил плечо Ивана и, жалобно мяуча, с удовольствием перебрался к ней на руки. Теперь Иван мог его разглядеть.

– И это ты называешь киской! – изумленно повел головой мальчик.

– А кто же он, по-твоему? Собака? – спросила девочка. – Фаня, Фаня, – почесала она кота за ухом.

– По-моему, это жертва ядерной войны, – продолжал с изумлением взирать на совершенно голого кота Иван. – Он что, больной?

– Сам ты больной, – отозвалась подруга. – У Фани просто такая порода. Канадский голый.

– Что голый, сам вижу. – Иван продолжал с брезгливостью взирать на полностью лишенное шерсти розовое морщинистое существо. – Но почему канадский?

– Потому что в Канаде вывели, – пояснила Марго. – Специально для людей, у которых аллергия на шерсть.

– Понятно, – потер раненое плечо Иван. – Он что же, один в квартире живет?

– Он не тут живет, – покачала головой девочка, – а в соседней квартире. Просто постоянно куда-нибудь удирает.

– Вот, значит, кто шумел, – испытал некоторое облегчение Иван.

– Да, это наш Фантомасик, – продолжала гладить лысого кота Марго. – Видно, хозяйка зачем-то вышла на лестницу. А он выскочил и забежал в открытую дверь.

– Так он Фаня или Фантомас? – поинтересовался Иван.

– Полностью Фантомас, а сокращенно Фаня, – внесла ясность Марго.

– «Фантомас» ему очень подходит. – Иван так пока и не мог свыкнуться с внешностью канадского голого.

– А по-моему, он даже красивый, – заспорила Маргарита.

Она хотела еще что-то добавить в защиту кота, но тут из коридора послышался хлопок двери. Иван бросился в переднюю. Марго с котом на руках – за ним. Мальчик дернул за ручку входной двери. Она не подалась.

– Замок захлопнулся, что ли? – растерянно пробормотал мальчик.

Он попытался открыть. Сперва один замок. Потом – второй. Затем – третий. Но дверь не отпиралась.

– Так, Марго, – растерянно посмотрел он на девочку. – Кажется, мы с тобой крупно влипли. Кто-то нас запер...

Впрочем, этот день не задался с самого утра. Утро для Марго, Ивана и их друзей – Павла, Герасима и Вари – началось с урока литературы. Обычно литературу вела их классная руководительница Ольга Борисовна Пантюшенкова. Однако на сей раз она явилась в восьмой «А» не одна. С ней вместе вошел какой-то совершенно незнакомый ребятам мужчина. Худой, среднего роста, в изрядно поношенном, вытянутом, но модном свитере. Волосы на голове у незнакомца почти отсутствовали. А то небольшое, что еще сохранилось, было коротко стрижено,

обнажая бугристый череп. На хрящеватом носу мужчины плотно сидели очки в массивной черной оправе. Толстые стекла очков увеличивали глаза, что придавало ему сходство с инопланетянином.

– Знакомьтесь! – Голос Ольги Борисовны звенел от волнения. – Наконец наши мечты сбылись. К нам пришел прочитать спецкурс известный поэт и прозаик Владимир Дионисович Гриппов.

Класс, с интересом разглядывая экзотического Владимира Дионисовича, поднялся в приветствии.

– Ах, что вы, что вы! – замахал обеими руками Гриппов. – К чему такие формальности!

– Это не формальности! – с пылом воскликнула Ольга Борисовна. – А проявление заслуженного уважения.

– Все равно садитесь! – махнул рукой Владимир Дионисович.

Класс послушно опустил за парты.

– Уже лучше, – заявил Гриппов.

– Вы тоже садитесь, – Ольга Борисовна указала ему на место за учительским столом.

Гриппов плюхнулся на стул. Ольга Борисовна продолжала стоять.

– А вы? – посмотрел на нее Владимир Дионисович.

– Я с ребятами. – И классная руководительница устроилась на одном из свободных стульев.

Гриппов обвел марсианским взглядом кабинет литературы. Поклонница передовых методов, Ольга Борисовна и класс свой обставила не совсем обычно. Парты тут располагались не рядами, а подковою огибали учительский стол. На стенах висели портреты писателей-классиков в массивных золоченых рамах. Под каждым из них красовалось какое-нибудь изречение великого автора.

Гриппов обвел взглядом портреты. Лицо его приняло кислое выражение.

– Скучно живете, – отчетливо произнес он.

– Почему, Владимир Дионисович? – Его замечание явно расстроило Ольгу Борисовну.

– Потому что закоснели в традициях, – убежденно продолжал известный поэт и прозаик. – Пу-ушкин, Ле-ермонтов, Ломоно-осов, – таким тоном протянул он, будто его кормили чем-то очень невкусным. – Старо. Свежего ветра вам не хватает.

– Но, мне кажется, великая классика всегда свежа и прекрасна, – осмелилась робко ему возразить Ольга Борисовна.

– О вкусах, конечно, не спорят, – сквозь зубы процедил Гриппов. Было видно, что он совершенно с ней не согласен. – И вообще! – всплеснул он руками. – Куда меня привели?

Он умолк. В классе повисла напряженная пауза. Обычно уверенная в себе Ольга Борисовна, которая и характером, и стилем одежды, и манерой вести себя напоминала больше не учительницу, а секретаршу из какой-нибудь процветающей фирмы, сейчас растерянно взидала на известного поэта и прозаика.

– Вам интересно, куда вас привели? – с ангельским видом переспросила Варвара. – Знаете ли, если не ошибаюсь, по-моему, это школа.

– Панова, перестань, – кинула на нее умоляющий взгляд классная руководительница.

– А разве я ошибаюсь? – разыграла искреннее изумление Варя.

Ольга Борисовна собиралась что-то ответить, но тут Гриппов воскликнул:

– Конечно же, школа! Я – в школе! Но чем эта школа вскармливает своих птенцов? Вам жить в двадцать первом веке! А на стенах что?

Указующий перст знаменитого поэта и прозаика остановился на портрете Ивана Сергеевича Тургенева. И Владимир Дионисович Гриппов вынес обвинительный приговор:

– Сплошной девятнадцатый век! И при этом мы еще что-то ожидаем от молодежи!

– Почему сплошной девятнадцатый? – вдруг вмешался Герасим Каменев по прозвищу Каменное Муму.

– Вам виднее, – откликнулся Владимир Дионисович.

– Не нам виднее, а вам не видно, – продолжал Герасим. – Это, например, что, тоже девятнадцатый век?

И, поднявшись на ноги, тощий длинный Муму указал на портрет Булгакова.

– Не девятнадцатый, но почти, – ничуть не смутился Владимир Дионисович. – Знаешь ли, мой юный друг, «Мастер и Маргарита» – это тоже не двадцать первый век.

– Смотря для кого, – заявил Герасим. «Мастера и Маргариту» он еще не читал, но за Булгакова ему почему-то стало очень обидно.

– Каменев! Каменев! – вмешалась Ольга Борисовна. – О вкусах не спорят. К тому же мы пригласили Владимира Дионисовича прочитать спецкурс, посвященный мировой литературе, чтобы он познакомил вас со своей творческой точкой зрения.

– А я, между прочим, не спорю. – На скуластом лице Герасима воцарилось то самое упрямое выражение, за которое он и получил в свое время от Пашки Лунина прозвище Каменное Муму. – Я не спорю, – с мрачным видом повторил он, – и всегда уважаю чужое мнение.

Тут Варя не удержалась и фыркнула. Герасим с чужими мнениями считался редко. Исключением из этого правила был только дедушка Муму – Лев Львович, или Лев-в-квадрате, которого внук ужасно боялся, а потому, по возможности, с ним никогда не спорил.

– Ничего не вижу смешного, – кинул Герасим испепеляющий взгляд на Варвару. – Я уважаю, а вот Владимир Дионисович – нет.

– Однако, – несколько опешил от такого сопротивления Гриппов. В следующий момент он вполне овладел собой и высокомерно изрек: – Похвально, молодой человек, что вы с такой страстью защищаете классиков. Однако при этом неплохо бы знать и своих современников.

– Это он намекает, чтобы его портрет тоже повесили, – донесся с задней парты отчетливый шепот коротко стриженного верзилы Сени Баскакова.

По классу пронеслись смешки. Ольга Борисовна покраснела. Гриппов выскочил из-за стола. Казалось, он собирался вызвать Баскакова на дуэль.

– Допрыгался, Сенька, – тихо произнес маленький Вова Яковлев и на всякий случай вжался в стол.

Глаза Гриппова сделались еще больше. И он вдруг загробным голосом начал читать:

Быть знаменитым некрасиво,
Не это поднимает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Гриппов умолк, однако за стол почему-то не вернулся. Он продолжал стоять прямо под портретом Пушкина работы Тропинина.

– Как хорошо! – выдохнула Наташка Дятлова. – Это, конечно, вы, Владимир Дионисович, написали?

– Это... не я, – с неохотой признался известный поэт и прозаик, который был совсем не прочь стать «притчей на устах у всех».

– Жалко, – посетовала Наташка. – Значит, это, наверное, стихи какого-нибудь вашего друга?

– Не друга, а в некотором роде старшего товарища, – с чувством собственной значимости отвечал Гриппов. – Это Борис Пастернак.

– Ах! – Дятлова вся подалась вперед. – Вы, наверное, с ним встречались!

– Только на страницах его книг, – внес ясность Владимир Дионисович. – Увы, судьба развела нас во времени. Борис Пастернак скончался, когда я еще был ребенком.

– Как же повезло Пастернаку! – вырвалось у Герасима.

По классу вновь прокатились смешки. Гриппов не отреагировал. То ли не расслышал реплики Муму, то ли счел ниже своего достоинства отвечать.

– Знаете что, – спешно вмешалась Ольга Борисовна, – я бы хотела, Владимир Дионисович, для начала поговорить о вашем творчестве. Ребята подготовились. У них наверняка есть к вам множество интересных вопросов.

За неделю до сегодняшнего визита Ольга Борисовна и впрямь раздала ученикам несколько сборников произведений Владимира Дионисовича. Варя, Марго и Ивану достались стихи. А Герасиму и Павлу – последняя книга прозы, в обширном предисловии к которой автор напыщенно объявлял, что ему «наконец удалось нащупать литературно-виртуальную концепцию современной реальности». Герасим и Луна честно попытались разобраться, в чем суть этой концепции. Однако успеха не достигли. Поэтому, едва Ольга Борисовна умолкла, Герасим без обиняков объявил:

– У меня лично одни вопросы.

– Опять вы! – обратился к нему марсианский взгляд Владимир Дионисович. Так смотрят на человека, которого не видели добрых двадцать лет, а потом случайно повстречали на улице.

– Ну, – мрачно подтвердил Герасим. – Я вас, между прочим, целую неделю читал.

И он продемонстрировал книжку, из которой торчало множество закладок. Гриппова передернуло, однако он сдержался и, выдавив кислую улыбку, сказал:

– Кажется, молодой человек, вы серьезно поработали над творчеством скромного современника.

– Я все делаю серьезно, – заверил Муму.

– Тогда я вас слушаю, – сказал Гриппов, и голос у него почему-то сорвался.

– Нервничает, – еле слышно проговорила Варя. – Кажется, Муму, ты его достал.

Ольга Борисовна, по-видимому, была того же мнения и, спеша разрядить обстановку, обратилась к Гриппову:

– Владимир Дионисович, неплохо, если сперва вы сами расскажете о своей жизни, творчестве. А уж потом ребята вам зададут вопросы.

– Извольте, – легко согласился известный поэт и прозаик. – Родился в Петербурге, который тогда назывался Ленинградом. Жил в большой коммуналке, где, кроме нашей семьи, обитало еще целых двадцать.

– Ну и ну, – прошептала Варвара на ухо Маргарите. – Кто бы мог подумать! Мне-то казалось, что он к нам прямо с Марса свалился.

– Все детство я спал на раскладушке! – все больше вдохновляясь, рассказывал Гриппов. – И на все двадцать семей у нас в квартире имела только одна уборная. Каждое утро я стоял в большой очереди!

– Слушай, Луна, а какое отношение эта питерская коммуналка с ее уборной имеет к его литературно-виртуальной концепции современной реальности? – спросил Герасим у Павла.

– По-моему, самое непосредственное, – усмехнулся розовощекий кудрявый Павел. – Он стоял в очереди и, чтобы отвлечься, думал о разном. Вот у него концепция и возникла.

– Наверное, ты прав, – проворчал Каменное Муму.

– Школу я все-таки закончил, – продолжал тем временем Владимир Дионисович. – Хотя протест мой зрел.

– Как интересно! – воскликнула Наташка Дятлова, которая первый раз в жизни видела живого известного поэта, а к тому же еще и прозаика.

Владимиру Дионисовичу ее внимание польстило. И он, стараясь смотреть на Наташку и не видеть порядком раздражавшего его Герасима, перелистнул еще одну страницу своей доблестной биографии:

– После школы я поступил в университет. На филологический. Но мои взгляды на искусство не совпадали с концепциями консервативной профессуры. Мы с друзьями и единомышленниками создали литературный кружок «Вольные пилигримы». Разразился жуткий скандал. Нас обвинили в отрыве от народа, масонстве, пропаганде чуждых идей и религии. В общем, нас с треском выгнали. Мы ушли в андерграунд.

– Ах! – воскликнула Наташка Дятлова. Глаза ее уже блеснули от слез.

Гриппову ее реакция нравилась все больше и больше.

– Да. Я ушел в андерграунд! – повторил он. – Подобно лучшим творческим людям того времени, которые жили в нашей многострадальной стране, я устроился кочегарить в котельную. Было трудно, но весело. Какое единство душ и порывов! Мои друзья собирались у меня в кочегарке ночами. Они приносили с собой...

Ольга Борисовна выразительно закашляла. Гриппов осекся. Внимательно посмотрев на учительницу, он крайне неуверенным голосом произнес:

– Стихи приносили с собой. И... рассказы. Мы... – Гриппов снова замялся, – читали их вслух. А потом обсуждали. В общем, я до сих пор считаю это время лучшим в своей жизни. Мы были юными, чистыми и наивными. И, несмотря на удушающую атмосферу окружающей нас жизни, всем казалось, что будущее принадлежит нам.

Голос у Владимира Дионисовича дрогнул. Марсианские глаза подернулись слезами. Гриппов часто заморгал. По всей видимости, воспоминания о мятежной юности порядком его растрогали.

– Владимир Дионисович, – занудный голос Герасима вторгся резким диссонансом в патетическую атмосферу, – а как вы в Москву-то попали?

Гриппов вздрогнул. Ему снова пришлось не по душе вопрос Муму. Ольга Борисовна это почувствовала.

– Ребята, ребята, – обратилась она к классу, – мы ведь договорились: все вопросы потом.

– Как я попал в Москву – это долгая и сложная история, – нашелся наконец Гриппов. – Не буду вас утомлять. В Москве я поступил в Литературный институт. В нашей многострадальной стране уже наступила перестройка. Но мне все равно пришлось бороться.

– И вас снова выгнали? – вкрадчиво поинтересовалась Варя.

Марсианские глаза с отвращением посмотрели на девочку.

– Увы! – воскликнул известный поэт и прозаик. – Талант всегда гоним, и путь его тернист.

– По-моему, мы уже перешли к стихам, – усмехнулся Иван.

– Ошибаешься, – мрачно откликнулся Герасим. – Стихи у него гораздо хуже. А уж о прозе вообще молчу.

Ольга Борисовна безошибочно почувствовала: поэту пора закругляться с автобиографическими экскурсами.

– Владимир Дионисович, может, вы согласились бы почитать стихи?

– В общем-то я сегодня несколько не в форме, – манерно произнес тот. – Но если вы просите...

Одернув модный, но вытянутый свитер, Гриппов направил маниакальный взгляд на Наташку Дятлову и провозгласил:

– Эпизод номера десять, или казус инфернале!

– Это еще что такое? – осведомился Сеня Баскаков.

– Молодой человек, молодой человек, – скорбно покачал головой Гриппов, – я к вам пришел нести свет искусства, а вы не знаете элементарных вещей.

– Я думал, может, вы мне объясните, – смешался Баскаков.

– Придете домой, прочтите в энциклопедии, – не снизошел до объяснения элементарных вещей известный поэт и прозаик. – Итак, эпизод номер десять.

Гриппов засунул руку в карман брюк и, выставив вперед правую ногу, начал:

Однажды под грозу на даче,
Под колыбель дождливых струй,
Ко мне явился призрак в белом.
И разговор повел со мной.
И были речи те туманны,
И я в предвестии нирваны,
Объятый облаком обманном,
В ад грешной заглянул душой.

И, содрогнувшись, ужаснулся.
Туман рассеялся, взметнулся.
А призрак жутко улыбнулся
И растворился, хохоча...
О, где теперь душа моя?

Гриппов умолк. Класс тоже молчал.

– Это все? – спросила Наташка Дятлова.

– Все, – с чувством собственного достоинства подтвердил Владимир Дионисович.

– Гениально! – воскликнула Наташка и от полноты чувств захлопала в ладоши.

Гриппов одарил ее благодарным взглядом.

– Гениально? – раздался в это время мрачный голос Герасима. – Вполне допускаю, но я ничего не понял.

– Как раз очень понятно, – неожиданно возразил Сеня Баскаков. – Сидит мужик на даче. Под кайфом. У него, естественно, глюки. Ну, вот ему и привиделось невесть что.

– Молодой человек, – Гриппову совершенно не понравилась такая трактовка, – нельзя же так примитивно воспринимать поэзию. Все мое творчество – это сплошные аллегории.

– Кстати, ребята, – вмешалась Ольга Борисовна, – вы помните, что такое аллегории?

– Помним, – откликнулся Герасим.

– Очень хорошо, – улыбнулась Ольга Борисовна. – Встань и скажи.

Каменное Муму поднялся на ноги.

– Аллегория – это иносказание или изображение отвлеченной идеи посредством образа.

– Молодец, Каменев, – учительница осталась довольна.

– Знать – это еще не все, – возразил ей Гриппов, – нужно чувствовать.

– Я-то чувствую, – пробубнил себе под нос Муму.

Впрочем, его слышали только сидевшие рядом Варвара, Марго, Павел и Иван.

Гриппов в это время объявил:

– Эпизод номер шесть.

В комнате, в самом углу,
Стоит телевизор.
Он как провизор.

Он выдает информацию.
Нам.
Люди смотрят,
Однако доколе из телеока
Событья наскоком
Нас будут на части рвать?

На сей раз в классе повисла звенящая тишина. И даже восторженная Наташка Дятлова ничего не смогла сказать. Ребята тщетно пытались осмыслить услышанное.

Гриппов такой реакции явно не ожидал. Всех спас звонок.

– Продолжим на следующем уроке, – с облегчением проговорила Ольга Борисовна.

На перемене Иван, Герасим, Павел, Марго и Варя, которых чаще всего называли Командой отчаянных, устроились у подоконника на лестничной площадке.

– Слушай, Муму, – Маргарита посмотрела на него огромными черными глазами, – чего ты к этому Гриппову прицепился? Тебе физика мало?

С физиком Виктором Антоновичем у Герасима в этом году отношения складывались напряженно. И он уже несколько раз вынужден был сдавать персональные зачеты по нескольким темам.

– Не напоминай мне о физике, – поморщился Муму, который последнюю двойку исправил всего три дня назад.

– Герочка, – поправляя золотистые волосы, вкрадчиво произнесла Варя, – Марго напоминает тебе об этом только затем, чтобы с Грипповым не получилось еще хуже, чем с Виктором Антоновичем.

– Вот именно, – подхватил Иван. – Нашел, Герасим, с кем связываться! Разве не видишь, что он полный псих.

– Это я как раз вижу, – ответил Муму. – И поэтому возмущен, что такого типа прислали читать спецкурс, да еще по мировой литературе.

– Возмущайся сколько угодно, – фыркнула Варя, – но Рогалева-Кривицкая его обожает. Директриса экспериментальной авторской школы «Пирамида» Екатерина Дмитриевна Рогалева-Кривицкая была яркой поклонницей всего нового и авангардного.

– Пусть обожает, – буркнул Герасим. – Но почему за мой счет? Мне, между прочим, пришлось читать прозу этого Гриппова. И я теперь ему свое мнение выскажу.

– Дело твое, но я бы не стала, – откликнулась Варя.

– Но ты это и не читала, – стоял на своем Муму.

– Слушай, Герка, а может, не будем? – улыбнулся толстый розовощекий Луна. – Я, между прочим, тоже читал его прозу.

– И тебе понравилось? – спросил Герасим.

– Нет, – честно признался Павел. – Но от того, что ты скажешь ему об этом, ничего не изменится.

– Ошибаешься, Паша, изменится, – возразила Варвара. – Только не для Гриппова, а для нашего Каменного Муму. Потому что потом его дедушку обязательно вызовут в школу.

– Почему дедушку? – Герасиму совсем не понравился такой поворот.

– Ну, вызовут, положим, родителей, – уточнила Варвара, – но в школу-то все равно явится твой дедушка.

Дедушка Герасима, Лев Львович Каменев, раньше руководил большой научной лабораторией, где у него все ходили по струнке. Когда же его отправили на пенсию, в подчинении у него остался один лишь Муму. А так как сил и энергии у Льва Львовича хватило бы на трех молодых, то внуку приходилось совсем не сладко.

– Да, Гера, подумай, – предостерег Иван. – Лев-в-квадрате потом тебе устроит.

– Я только одного не понимаю, – возмутился Муму. – Если потом вызывают родителей, то зачем давать такое читать?

– Чтобы хвали-или, – протянула Варвара. – Разве ты, Герочка, не знаешь?

– А если мне это совсем не нравится? – не отставал Муму.

– Твои проблемы, – развела руками Варя.

Она еще хотела что-то добавить, но тут раздался звонок. И почти сразу же со стороны кабинета литературы послышался голос Ольги Борисовны:

– Ребята, заходите скорее! Не будем заставлять ждать нашего дорогого гостя!

«Дорогой гость», как выяснилось, уже сидел за учительским столом, нервно дрыгал ногой и недовольно морщился. Видимо, ему совсем не понравилось, как принял его поэзию восьмой «А».

Рассевшись по местам, ребята молча взирали на Владимира Дионисовича. Тот точно так же смотрел на них. Почувствовав, что пауза затягивается, Ольга Борисовна сказала:

– Владимир Дионисович, ребята специально готовились к встрече с вами и прочли ваш последний сборник прозы.

– Вот как? – немного оттаял известный поэт и прозаик. – И какие возникли мысли по этому поводу?

Молчание было ему ответом. Ольга Борисовна повернулась к Герасиму и Павлу:

– Ну, ребята, смелей. Мы ведь договорились. Может, ты, Паша, начнешь?

– М-м-м, – только и смог произнести Луна.

Говорить, что ему понравилось, просто язык не поворачивался. Может, задать какой-нибудь интересный вопрос? Но какой?

В классе опять повисла тяжелая пауза. Гриппов продолжал нервно дрыгать ногой. Одновременно он поглаживал ладонью почти наголо бритый затылок.

– Пусть Паша пока подумает, – снова заговорила Ольга Борисовна. – Гера, ты вроде бы нам сказал на прошлом уроке, что у тебя есть много вопросов к Владимиру Дионисовичу?

Гриппов перестал дрыгать ногой и, оставив в покое затылок, заметно напрягся. О чем, в частности, свидетельствовал неподвижный взгляд его марсианских глаз. Чувствовалось, что ему совсем не хочется отвечать ни на один из множества вопросов Герасима.

Муму, впрочем, тоже медлил. Тем более что Марго и Варвара одновременно кинули на него предостерегающие взгляды.

– Ну, Гера, мы ждем, – подбодрила Ольга Борисовна.

– В общем-то мне, можно сказать, в целом даже понравилось, – выдавил из себя Муму. – Только, по-моему, слишком коротко.

– Что коротко? – был явно обескуражен Гриппов.

– Ну, какие-то они у вас все короткие, – продолжал Муму. – Мне больше романы нравятся.

– Ах, романы. – Гриппов испытал облегчение. Ему представлялось, что этот мрачный парень заготовил для него более коварные вопросы.

И Владимир Дионисович с легкой душой принялся рассуждать о том, что формы бывают разные, не преминув процитировать известное изречение Чехова о краткости, которая – «сестра таланта».

– Ну, а еще у вас есть какие-то мысли по поводу моего творчества? – победоносно установился Гриппов на Герасима.

– Ну, в общем, мне, конечно, понравилось, – вновь с видом гостя, хвалящего крайне невкусное угощение, выдавил из себя тот. – Только вот многое непонятно. Можно я прочитаю вслух?

– Конечно! – на свою голову поддержала Ольга Борисовна. – Владимир Дионисович тебе объяснит, а ребята, которые не читали, заодно его прозу послушают. – «И я составлю себе пред-

ставление!» – про себя добавила учительница, которая, ввиду крайней занятости, не успела ознакомиться с литературно-виртуальными произведениями Гриппова.

– Значит, Ольга Борисовна, мне читать? – повернулся к ней Муму.

– Да, да, конечно, – кивнула учительница.

Больше Муму ничто не сдерживало. И, раскрыв утыканную закладками книгу, он прочитал:

– «Сказание о «новом русском».

Однажды «новый русский» купил дорогое коллекционное ружье за десять тысяч долларов. Он приехал домой, поставил ружье в угол и принялся думать, что с ним делать. Но так и не придумал».

Герасим умолк. Класс тоже молчал. Так длилось с минуту. Потом Сеня Баскаков спросил:

– Это что? Все?

– Все, – подтвердил Муму.

– А я думал, он из этой своей коллекционной пушки хоть кого-нибудь шлепнет, – разочарованно произнес Баскаков. – Иначе на фига покупать.

– Вот и я думаю: «На фига?» – уже несло Герасима. – Но в этой книге все так.

Гриппов свирепо взирал на Муму. Тот, словно не замечая его состояния, занудным голосом продолжал:

– У меня к вам такой вопрос. Что все это значит? И зачем это написано? Вот Ольга Борисовна нам объясняла так: если есть ружье, то оно обязательно должно выстрелить. А у вас, Владимир Дионисович, ружье не выстрелило. И вообще оно неизвестно зачем.

– Ружье? – Не в силах более сдерживаться, Гриппов вскочил на ноги и принялся бегать по свободному пространству класса. – Обязательно выстрелить? Глупости! Идиотизм! Профанация! Примитивное понимание литературы!

– Владимир Дионисович, – робко возразила Ольга Борисовна, – вообще-то это не я сказала, а Чехов.

– Что мне ваш Чехов! – взорвался известный поэт и прозаик.

– Как это? – вырвалось у Герасима. – Вы же сами говорили: «Краткость – сестра таланта».

– Я говорил? – взвизгнул Гриппов, который уже совершенно не помнил, что какие-то несколько минут назад процитировал классика русской прозы.

– Ну конечно же, вы! – воскликнул Герасим. – Ольга Борисовна! – призвал он в свидетели классную руководительницу. – Подтвердите! Вы ведь наверняка слышали.

Учительница оказалась в крайне сложном положении. Она действительно слышала и помнила, как Владимир Дионисович, отстаивая свой творческий метод, процитировал известные слова Чехова. С другой стороны, Гриппов уже находился на грани срыва и нужно было как можно скорей погасить конфликт. И Ольга Борисовна сказала:

– Герасим, по-моему, это не так уж важно. Лучше задай Владимиру Дионисовичу свой следующий вопрос.

– Как это не важно! – возмутился Муму. – Вы все слышали? – обвел он картинным жестом полукруг парт. – Он ведь говорил?

– Слышали! Говорил! – нестройным хором подтвердили ребята.

– Видите, Ольга Борисовна! – укоряюще посмотрел на учительницу Герасим. – Все слышали.

Ольга Борисовна хотела во имя мира и спокойствия перевести разговор на другую тему. А именно, спросить Гриппова, кого он считает своими учителями. Однако не тут-то было. Владимир Дионисович, расхаживая по классу, разразился пылкой речью по поводу черствости и неблагодарности современников, которые в России испытывает едва ли не каждый одаренный человек. Несмотря на свое пренебрежение к классике, Гриппов даже прибег к словам Пушкина, который однажды посетовал, что его угораздило с умом и талантом родиться в России.

Класс заскучал. Сеня Баскаков – в особенности. Его вообще не очень волновали литературные проблемы. А к Гриппову он потерял интерес в тот самый момент, когда выяснилось, что «новый русский» из рассказа так ничего и не сделал со своим ружьем. Правда, ружье из рассказа известного поэта и прозаика напомнило Сене об одном маленьком, но радостном событии. Не далее как вчера вечером он наконец выпросил у отца недостающую сумму для покупки совершенно замечательного пистолета, который мало того что выглядел точь-в-точь как настоящий «вальтер», но еще и стрелял на пятьдесят метров капсулами с краской. Капсулы прилагались двух видов. Одни были наполнены несмываемой краской. А другие – специальным составом, который спустя несколько минут полностью испарялся, не оставляя следов.

Осуществив перед уроками заветную мечту, Баскаков даже не успел толком рассмотреть пистолет. И вот теперь решил наконец как следует полюбоваться приобретением. Баскаков покосился на Гриппова. Тот продолжал свою гневную речь по поводу «необразованного класса», который «совершенно не подготовлен к восприятию серьезной современной литературы». Ольге Борисовне, с ужасом взиравшей на Владимира Дионисовича, тоже явно было не до Баскакова.

Сочтя момент вполне подходящим, Сеня полез в стоявший под партой рюкзачок, достал оттуда пистолет, положил его на колени и принялся детально изучать конструкцию.

– Это у тебя что, настоящий? – не укрылись Сенины маневры от Вовы Яковлева, которому тоже успел порядком наскучить Гриппов.

– Угу, – был краток Баскаков.

– Дай посмотреть, – потянулся к оружию Вова.

– Руки прочь, – отпихнул его Сеня.

– Вот жлоб. Жалко, что ли? – обиделся Вова.

– Жалко, – не стал особенно распространяться Баскаков.

Вова Яковлев, однако, не принял «нет» за ответ. Выбрав подходящий момент, он изловчился и схватил пистолет за ствол.

– Офонарел? – уцепился за рукоятку Сеня. – Убери руки. Иначе выстрелит.

Вполне вероятно, Вова и Сеня, немного попрепившись, пришли бы, как говорится, к консенсусу и ничего бы особенного не произошло. Но в самый ответственный момент над ними нависла марсианская голова Владимира Дионисовича.

– Вот вам блестящая иллюстрация воплощенного невежества! – Голос известного поэта и прозаика уже срывался от гнева. – Я им о мировой культуре, а они в игрушки играют!

Он рванул на себя пистолет.

– Не надо! – возопил Баскаков. – Осторожней!

Но поздно. Раздался громкий хлопок. Класс замер. Облик Гриппова окончательно приобрел инопланетные черты. Лысый череп его и лицо стали кислотно-зеленого цвета, а светлый свитер покрылся ярко-оранжевыми пятнами, которые на глазах превращались в бордовые.

– А... я... – металлическим голосом робота произнес поэт и прозаик.

Класс разразился истерическим хохотом. Не удержалась и Ольга Борисовна.

– Ноги моей у вас больше не будет! – уже вполне своим голосом взвизгнул Гриппов и вылетел вон из класса.

– Ой-ей-ей-ей-ей! – простонала Ольга Борисовна.

Вскочив на ноги, она хотела бежать следом за Владимиром Дионисовичем, но тут в дверь вошел высокий толстый завуч «Пирамиды» Афанасий Иванович Майборода, которого за пышные казацкие усы прозвали Тарасом Бульбой.

– Ольга Борисовна, – с удивлением посмотрел он на учительницу, – это что за чучело у тебя из класса-то выскочило?

Ребята зашлись от нового приступа хохота.

– Да тут у нас, знаете ли, несчастье, – с трудом подавляя смех, выдавила из себя классная руководительница восьмого «А».

– А что случилось? – заволновался завуч.

– Потом, Афанасий Иванович, – скороговоркой произнесла учительница. – Это, знаете ли, Гриппов. Мне обязательно надо его догнать.

Уже открыв дверь, она обратилась к Сене:

– Что у тебя там была за краска?

– Я без понятия, – украдкой запихивая злосчастный пистолет в рюкзачок, уныло откликнулся Баскаков. – Еще не успел посмотреть.

Ольга Борисовна, махнув рукой, убежала. Афанасий Иванович остался в классе.

Класс дипломатично молчал.

– Я еще раз спрашиваю, – подергал длинный ус Тарас Бульба. – Вы что с известным писателем сотворили?

– Мы ничего, – откликнулся Сеня.

– Это он сам, – честно глядя на завуча, подхватил Вова Яковлев.

– Са-ам? – недоверчиво протянул Афанасий Иванович, у которого до сих пор стояла перед глазами зеленая физиономия Владимира Дионисовича.

– Уверяем вас, Афанасий Иванович, – вмешался Муму, – Гриппов это сделал исключительно по собственной инициативе.

– Я предупреждал, – жалобно произнес Баскаков, – а он не послушался.

– Сам, значит, покрасился? – по-прежнему не укладывалось такое в голове у Майбороды.

– Сам, – подтвердил Герасим. – Только не покрасился, а испачкался. Это все видели. И Ольга Борисовна – тоже.

– Он, значит, сам, – покачал головой Майборода. – А нашу тетю Лизу, между прочим, чуть второй инфаркт не хватил. Она как раз в коридоре подметала, а тут этот зеленый бежит. Она прямо с лица вся спала. И все-таки, как же такое могло получиться? – он вновь приступил к расспросам.

– Теперь из-за тебя, дурака, конфискуют, – грозно прошептал Сеня на ухо Вове.

Вова испуганно на него посмотрел и весь сжался.

– Я не виноват.

– Жду ответа. – В голосе Майбороды слышались суровые нотки.

И Сеня, вздохнув, произнес:

– Он сперва речь толкал, а потом взял и пистолет у меня из рук вырвал. Я ему говорю: «Осторожней». Тут и выстрелило.

– Пистолет? – Казацкие усы у Тараса Бульбы обвисли. «Вот, – с ужасом подумал он, – докатилось и до нашей школы». – Баскаков! – продолжал он вслух. – Откуда у тебя пистолет?

– Купил, – просто ответил Сеня.

– Где? – допытывался Майборода.

– В магазине, – откликнулся мальчик.

– Из-под полы?

– Почему, – пожал плечами Сеня. – Официально. У них там полно разных. И на витрине выставлены.

– Не ври! – крикнул Майборода. – Кто тебе, мальчишке, продаст в магазине огнестрельное оружие!

– Но он ведь не настоящий, – кинув смущенный взгляд на Вову Яковлева, внес ясность Баскаков.

– Ах, не настоящий, – с облегчением произнес Тарас Бульба. – Все равно на уроке не положено.

– Я и не хотел, – со вздохом изрек Сеня. – Просто так получилось.

– А что получилось-то? – хотел докопаться до истины завуч.

– Ну, я его как-то случайно вынул, чтобы посмотреть, – весьма туманно объяснил Сеня. – А Гриппов зачем-то его схватил. Ну, пистолет и выстрелил. Краской. А я даже не думал, что он заряжен.

– Значит, это краска, – почти совсем успокоился Майборода. – А она хоть от него отмоется?

– Не знаю, – честно признался Сеня. – Там одна отмывается, а другая такая, что намертво красит. Но какая в него была заряжена, я не успел разобраться.

– Давай сюда пистолет и инструкцию, – деловито произнес Майборода. – Сейчас разберемся.

Сеня послушно протянул ему пистолет, инструкцию и запасной комплект капсул. Афанасий Иванович, изучив текст описания, посмотрел на оставшиеся в коробке капсулы.

– Порядок. То, чем выстрелило, даже отмывать не придется. Оно само исчезает.

– Вот видите, – улыбнулся Сеня.

– А Гриппов, собственно, сам во всем виноват, – пришел ему на помощь Муму.

Завуч в это время с большим интересом разглядывал баскаковский пистолет. Глаза его заблестели.

– Хорошо забацали, – мечтательно произнес он. И с сожалением добавил: – В моем детстве таких пистолетиков не было.

Сжав рукоятку, Тарас Бульба сделал вид, будто прицеливается в дверь. Тут она резко распахнулась. Палец у завуча от неожиданности дернулся. То, что произошло мгновение спустя, напоминало кошмарный сон. Раздался уже знакомый восьмому «А» негромкий хлопок, немедленно сменившийся истошным женским криком. Затем в дверь влетела директриса экспериментальной авторской школы «Пирамида» Екатерина Дмитриевна Рогалева-Кривицкая. Впрочем, узнать ее сейчас было практически невозможно. Лицо и волосы ее окрасились в ярко-оранжевый цвет, а по строгого покрою костюму рассыпались в причудливом беспорядке кокетливые зеленоватые потеки.

– Смотри-ка, Сенька! – закричал кто-то. – А он у тебя каждый раз в разное красит!

Сеня ничего не ответил. Он не мог оторвать взгляда от Тараса Бульбы. Тот оцепенел. Рука по-прежнему сжимала пистолет. Словно он собирался сделать еще один выстрел.

Екатерина Дмитриевна схватилась за лицо. Затем уставилась на испачканные оранжевые руки и возопила:

– Что это? Кто это?

– В-вы не волнуйтесь! – Швырнув наконец пистолет на стол, грозный Майборода суетливо забегал вокруг директрисы. – Это не страшно, – хватая ее за руки, продолжал он. – Через пять минут пройдет. Сам читал. В инструкции.

– Афанасий Иванович, – с ужасом посмотрела на него оранжевая директриса. – Кто это сделал?

– Я, – с силой дернул себя за казацкий ус Тарас Бульба. – Случайно.

– Случайно? – повысила голос Екатерина Дмитриевна.

– А я вам что говорил? – возник в проеме двери уже совершенно выцветший, но торжествующий Гриппов. – Это не класс, а бандитское логово!

– Дети тут ни при чем, – перебил его Майборода. – Я сам виноват. Увлёкся. Там курок очень слабый. Видите?

И, взяв со стола пистолет, он услужливо вложил его прямо в руки Екатерины Дмитриевны.

– Не надо! – заверещал Гриппов.

Но уже совершенно обалдевшая ото всего Екатерина Дмитриевна машинально нажала на курок. Вопль Гриппова оборвался. Класс со смесью восхищения и ужаса смотрел на известного поэта и прозаика.

На сей раз лицо его и марсианская голова окрасились в цвет фуксии. А под будучно-розовым лицом на груди засияло, как солнце, огромное желтое пятно с лучами-потеками.

– Это!.. Это!.. – захлебываясь от возмущения, проорал Гриппов и, чуть не сбив с ног стоявшую в дверях Ольгу Борисовну, вылетел вон.

Екатерина Дмитриевна вскорости выцвела. Вместе с нормальной расцветкой к ней вернулись хладнокровие, величественность и некоторая слащавость. С Грипповым вышло несколько хуже. После второго выстрела он так и не обрел до конца первоначального облика. Макушка марсианской головы почему-то упорно оставалась ярко-розовой. Афанасий Иванович Майборода настоятельно советовал известному поэту и прозаику набраться терпения и ждать. Гриппов рекомендациям не внял. Направившись в школьную душевую, он попытался отмыть голову с мылом. Однако розовый цвет от этого стал только ярче. По этому поводу Владимир Дионисович закатил в кабинете Рогалева-Кривицкой новую истерику. Вопреки своему андерграундному прошлому, он настоятельно требовал «тщательного расследования обстоятельств» и «суровой кары виновному».

В результате расследования виновными были объявлены Сеня Баскаков и почему-то Герасим Каменев.

– Я-то при чем? – возмущался Герасим. – Я этот пистолет даже не трогал. И, можно сказать, вообще практически не видел. Рогалева-Кривицкая стреляла, но не виновата. Тарас Бульба стрелял и тоже, видите ли, не виноват. А я, значит, виноват. Но почему? Что я вообще плохого этому Гриппову сделал?

– Он еще спрашивает, – фыркнула Варя. – Да лучше бы ты в него еще сто раз из баскаковского пистолета выстрелил.

– Не понял, – покрутил головой Муму.

– И понимать нечего, – продолжала Варвара. – Ты, Муму, недвусмысленно намекнул Гриппову, что сестричка у него есть, а братика нету.

– Че-его? – Муму покрутил пальцем возле виска. – Совсем обалдела, Варька. Какой братик? Какая сестричка?

– Ну, краткость ведь – сестра таланта. Вот ты, Муму, и намекнул. Мол, краткость есть, а братика, то есть таланта, нету.

– Что нету – это совершенно точно, – кивнул Герасим. – Но я-то чем виноват? Объясняй теперь предкам, что я – не верблюд. Хорошо еще, пистолет не мой.

– Ладно, Муму, не расстраивайся, – ободрил Иван. – Может, еще обойдется.

Разговор происходил по дороге домой. Первым на углу улицы Правды и Ленинградского проспекта компанию покинул Павел. Ему нужно было направо. Остальные четверо жили в доме номер восемнадцать по Ленинградскому проспекту. Герасим и Варя – во втором подъезде, а Иван и Марго – в первом.

Уже вызвав лифт, Иван, проболевший последние дни, вспомнил, что Марго обещала дать ему тетрадку с лекциями по экологии.

– Зайдем, и возьмешь, – ответила девочка.

– Хорошо, – согласился Иван.

– Иван, а ты не ошибаешься? – подергала запертую дверь Марго.

– В чем? – посмотрел на нее мальчик.

– Ну, что нас заперли, – пояснила Марго. – Может, дверь как-нибудь сама захлопнулась? Из-за сквозняка, например.

– Какой сквозняк, – пожал плечами Иван. – И потом, когда мы входили, я заметил: тут все замки без язычков. Если бы само захлопнулось, я бы уже открыл. А верхний замок не отпирается. Я уверен: его специально так заперли, чтобы изнутри отворить было невозможно.

И в качестве доказательства Иван повертел туда-сюда ручку замка. Она двигалась вхолостую.

– Видишь? Прокручивается.

Марго кивнула. Огромные ее глаза округлились.

– Выходит, пока мы ходили по квартире, в ней кто-то прятался? – испуганно смотрела она на Ивана.

– Выходит, – задумчиво произнес тот. – И этому типу совсем не хотелось с нами встречаться.

Марго зябко поежилась. Она вдруг поняла: все могло кончиться гораздо хуже. Хотя они и так оказались в незавидном положении и в полной власти того, кто их тут запер. Что, если ему вздумается прийти сюда снова и убрать нежелательных свидетелей? Ведь они с Иваном заперты, как в мышеловке.

– Слушай, – дрожащим голосом произнесла девочка. – Нам надо как можно скорей отсюда выбираться.

– Телефон тут есть? – посмотрел на нее Иван.

– Есть, – указала на подзеркальник Марго. Там стоял аппарат.

– Сейчас позвоню ребятам, – кинулся к нему Иван.

– Жаль, бабушки дома нет, – посетовала Марго. – У нее ведь вторые ключи в столе лежат. Иван поднял трубку. Гудка не было.

– Испорчен, – растерянно проговорил он.

– Может, не подключен? – предположила Марго. – Проверь розетку.

Иван проверил. Все было в порядке.

– Марго, думаю, это дело рук того самого типа, – глухо изрек мальчик.

– Когда он успел? – удивилась девочка.

– Вот уж секундное дело, – откликнулся Иван. – Особенно если уметь. Он выбежал на лестницу, нас запер, потом залез в распределительный щиток, дернул за провод, и все дела.

Марго попробовала включить свет, но лампочка тоже не загорелась.

– Эй, а он и свет нам вырубил.

– Это еще большой вопрос, – не был так категоричен Иван. – Может, он, а может, и ваши соседи, перед тем как уехали. Ведь они надолго. Могли сами и выключить.

– Сейчас проверим.

Добежав до кухни, Марго распахнула дверь холодильника. Внутри было совершенно пусто, чисто и сухо. И ни намека на холод.

– Похоже, Ваня, ты прав. Наверное, они сами перед отъездом выключили рубильник.

– В общем-то для нас это особенного значения не имеет, – откликнулся мальчик. – Гораздо важнее, что мы с тобой тут заперты. И не можем выбраться.

– Господи! Какая же я идиотка! – вдруг хлопнула себя по лбу Марго. – У нас же общая терраса!

– Фу-у! – выдохнул с облегчением Иван.

Марго побежала в столовую. Мгновенье спустя ребята уже стояли на широкой террасе, которую продувал осенний пронизывающий ветер. Таких террас в доме номер восемнадцать по Ленинградскому проспекту было только две – на девятом этаже, по одной с каждой стороны. Терраса тянулась вдоль двух квартир и стараниями бабушки Марго, Ариадны Оттобальдовны, была разделена на две части живой изгородью из туй, растущих в длинном деревянном ящике. На стороне Марго стояла еще ажурная металлическая беседка. Иван, переехавший в этот дом только минувшим летом, помнил, как тут было уютно еще в начале сентября. Стены и крышу

беседки густо увивали лозы садового винограда. Команда отчаянных до самого наступления холодов часто собиралась в беседке Королевых.

Сейчас терраса выглядела совсем по-иному. Словно дачный участок перед первыми снегопадами. Листья винограда совершенно облетели. Ящики, в которых летом и осенью постоянно росли цветы, были пусты. А туи бабушка Марго плотно укутала полиэтиленовой пленкой и мешковиной.

Впрочем, ребят сейчас волновало совсем другое.

– Слушай, Марго, а как мы к тебе попадем? – посмотрел на нее Иван. – Бабушки-то твоей нету, а предки на работе до самого вечера.

– Будем надеяться, что она оставила открытой форточку, – откликнулась девочка.

– А Птичка Божья? – засомневался Иван.

Птичкой Божьей звали огромного зелено-красного латиноамериканского попугая Королевых. Ариадна Оттобальдовна души в нем не чаяла и старалась, по большей части, держать его не в клетке, а на свободе.

– Во-первых, давно установлено, что Птичка Божья в форточку не пролезет, – объяснила Марго. – То есть теоретически он это сделать может. Но ему неудобно. Поэтому он даже и не пытается. Но бабушка все равно его в клетку сажает, прежде чем открыть форточку. Она боится, что иначе Птичку Божью продует на сквозняке и он простудится. Он ведь у нас из теплых краев.

Иван кивнул и первым с трудом пролез между двумя близко растущими друг к другу туями на половину Королевых. Затем помог перебраться Марго. Они поспешили к окну. На их счастье, форточка оказалась приоткрыта.

– Порядок, – с облегчением произнесла Марго.

– Уж не знаю, насколько порядок, – с большим сомнением произнес широкоплечий рослый Иван. – Я туда явно не пролезу.

– А я запросто, – уверенно произнесла Маргарита. – Я пролезаю всюду, куда у меня голова проходит.

– Ты уверена, что она у тебя пройдет? – снова засомневался Иван.

– Абсолютно, – тряхнула головой девочка. Ее густые, черные волосы упали на лицо. – Только ты подсади меня.

– Давай, – Иван подставил руки.

– Нет. Погоди, – улыбнулась Марго. – Куртку я все же сниму. Подержи Фантомаса. Она быстро скинула куртку.

Все это время Марго держала на руках голого кота. Тот, словно понимая, в какой опасной ситуации они оказались, сидел очень тихо и вел себя скромно.

– Интересно, как ты это себе представляешь? – Иван выразительно посмотрел на подругу. – Значит, я буду держать кота и одновременно подсаживать тебя в форточку?

– Действительно, – спохватилась Марго. – Ладно, подержи его одну минуточку.

Фантомасу явно не хотелось на руки к Ивану, однако он и на сей раз смирился. Марго вытряхнула из сумки учебники и, запихнув туда Фантомаса, закрыла «молнию». Сумка немедленно ожила и замяукала.

– Потерпишь, – строго сказала девочка. – И волосы мне тоже будут мешать, – добавила она.

– Может, обрежем? – хмыкнул Иван.

– Есть способ менее радикальный.

Марго извлекла из сумки берет и, надев его, аккуратно забрала под него волосы.

– Вот теперь давай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.